всех основных определяющих тему признаков и реалий, — не приходится: сходство между литературными произведениями, вообще говоря, лишь в редких случаях может быть обусловлено случайными совпадениями. О прямом или опосредствованном знакомстве русского поэта в конце XVIII в. с сонетами Шекспира, естественно, также речи быть не может: к этому времени эти сонеты ни на своей родине, ни в других западноевропейских литературах широкой известностью еще не пользовались. Отсюда явствует, что для указанных двух английских и русского стихотворений следует найти общий источник.

Поиски этого источника, как для Шекспира, так и для Державина, шли медленно, своими особыми, ни разу не пересекавшимися путями; между тем они скорее привели бы к ощутительному результату, если бы исследователи происхождения сонетов Шекспира могли бы заглянуть в разыскания о стихотворениях Державина; в последних источник его «Горячего ключа» был точно определен почти на полстолетия раньше, чем тот же источник для сонетов 153 и 154.

В начале 1830-х годов молодой петербургский филолог-классик В. С. Печерин, увлеченный занятиями греческой Антологией, поместил в петербургском альманахе «Комета Белы», изданном В. Н. Семеновым, несколько эпиграмм, заимствованных им из этой Антологии, в своем стихотворном переводе. Среди них напечатана также и следующая эпиграмма:

Горячий ключ

Здесь, под яворов тенью, Эрот почивал утомленный,
  В сладком сне, к ключёвым Нимфам свой факел склонив,
Нимфы шепнули друг дружке: «Что медлим? погасим светильник!
  С ним погаснет огонь, сердце палящий людей!»
Но светильник и воды зажег: с той поры и поныне
  Нимфы, любовью горя, воды кипящие льют.[2]

Никаких пояснений к настоящему тексту в «Комете Белы» не имеется. Публикуя этот свой перевод, В. С. Печерин не назвал автора эпиграммы, с именем которого она занесена в «Палатинскую Антологию», тогда как при переводах других эпиграмм, напечатанных в том же альманахе, авторы их обозначены. Обращает на себя внимание также и то обстоятельство, что в переводе Печерина данная эпиграмма имеет заглавие, совпадающее с заглавием стихотворения Державина, тогда как в греческом подлиннике оно отсутствует. Не значит ли это, что для своего перевода В. С. Печерин пользовался, помимо греческого оригинала эпиграммы, каким-либо переводом ее на один из новых западноевропейских языков, тем самым, какой был в руках у Державина?

[2] Печерин В. Из греческой Анфологии. — В кн.: Комета Белы. Альманах на 1833 год. СПб., 1833, с. 255—256; об этом альманахе см.: Смирнов-Сокольский Ник. Русские литературные альманахи и сборники XVIII—XIX вв. М., 1965, с. 181 (№ 402).